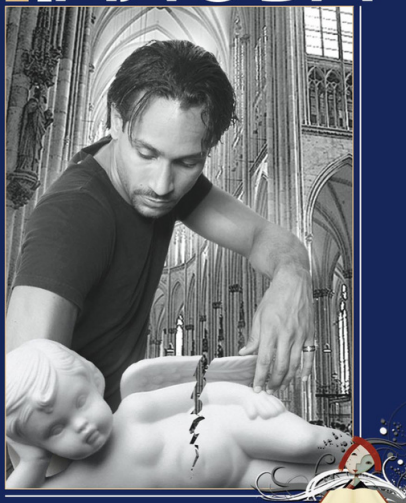

ЕЛЕНА ЧАЛОВА

Охота на купидона

Елена Чалова

Охота на купидона

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5828267
Охота на купидона: роман.: Центрполиграф; Москва; 2013
ISBN 978-5-227-04286-6

Аннотация

Лана и Настя, собираясь на свадьбу в Кельн, оказываются вовлечены в загадочные и опасные события, к которым подключается Интерпол. Идет охота за статуэткой купидона, которую тетя Рая привезла от своей сестры с Украины... Но Насте и ее закадычной подружке Лизе еще предстоит волнующие приключения в Крыму, на южный берег которого девочек сориентировала добытая в прошлой поездке в Грецию карта.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Елена Чалова

Охота на купидона

Этот роман посвящается Татьяне Клыпа, замечательному врачу и ангелу-хранителю нашей семьи

Глава 1

Марк Анатольевич Гринберг собирался на работу. Он уже проделал «краткий комплекс» упражнений, обязательный для мужчины после тридцати пяти, который стремится не терять форму, – покачал пресс и отжался положенное количество раз, принял душ, совершил все прочие утренние процедуры и вот теперь одевался, поглядывая в зеркало и тихонько жужжа себе под нос. Мотивчик привязался совершенно дурацкий, что-то из услышанного по радио. Несolidно взрослому человеку, врачу и отцу семейства напевать про «чумачечую весну», но уж больно ласково светит сегодня солнышко, настроение отличное... Да и посмеяться над ним некому: все семейство еще сладко спит.

Питательный завтрак он приготовил себе сам, не желая будить жену. Перед уходом на минутку вернулся в спальню, взглянул на мирно сопящих в кроватках близнецов и коснулся ласковым поцелуем растрепанных локонов жены. Лана вздохнула и высунула нос из-под одеяла.

– Спи-спи, – с лицемерной заботой прошептал Марк, втайне надеясь, что жена скажет: «Не спеши, милый», и тогда он сможет обнять ее – полусонную, теплую и такую сладкую... И даже после утреннего секса Марк все равно успел бы на работу, потому что он человек предусмотрительный и минут двадцать в запасе всегда имеет. Но жена только улыбнулась, чмокнула губами воздух и нырнула обратно в темноту сна. Он вздохнул и тихонько покинул дом. Что ж, секса с утра не случилось, но оставалась надежда на вечер, а потому настроение Марка Анатольевича ни в коей мере не ухудшилось.

Как у большинства мужчин, его мысль, расставшись с темой секса, тут же сосредоточилась на работе. Он завел свой серебристый «ниссан», аккуратно выехал со двора, удачно миновав вредную собачонку соседки, которая порывалась вцепиться в бампер, и теперь пробирался через пробки – еще нет даже половины девятого, и московские дороги более или менее движутся, – предвкушая длинный и плодотворный рабочий день. Нужно обсудить с Арменом предстоящее выступление на конференции. В этот раз ехать предстоит в Саратов. Весной была международная конференция на Мальте; это, конечно, круче, но и Саратов по своему неплох. Марк успел посмотреть программу: народ подобрался знакомый, доклады будут интересные, ну и потусоваться неплохо.

Сегодня его аспирантка Оленька придет забрать статью, и эта встреча тоже обещает быть весьма содержательной. Марк собирался разнести писанину Оленьки в пух и прах, потому что статья глупая и никчемная, да и оформлена кое-как. Поленилась девочка. А все почему? Потому что хорошенькая. Была бы так себе – старалась бы больше. Марк вспомнил, как аспирантка сдавала ему эту самую статью: юбку покороче надела, глазками накрашенными похлопала и решила, что он проглотит ее лабуду не читая. Или выправит сам. Не-ет, красотулька, решил Марк. Хочешь степень – изволь работать. Интересно будет взглянуть на ее мордашку, когда девочка поймет, что статью он завернул.

Садовое кольцо ползло, постепенно замедляясь, словно машины увязали в разогретом асфальте. Народ рулил вяло, жмурясь на невысокое солнце. Стояла вторая декада мая, но погода выдалась совершенно июньская: солнце к обеду нагревало город до двадцати пяти

градусов, свежая зелень газонов и деревьев радовала глаз, так же как и летние наряды горожан. В этом сезоне женщины с удовольствием носили легкие открытые платья, что существенно оживляло пейзаж и позволяло мужчинам не так скучать в пробках. Только-только отгремели майские праздники, к которым город традиционно прихорашивается, торопливо стараясь избавиться от остатков зимы.

Все праздники погода радовала, и теперь уставшие от отдыха люди ехали на работу, мечтая отдохнуть от бурно проведенных выходных. Марк Анатольевич все праздничные дни посвятил семье: убирал квартиру, ездил по магазинам, гулял с детьми.

Вот и здание стоматологического института, где имеется и клиника, оборудованная по последнему слову техники. Марк припарковал машину, кивнул охраннику на входе и направился к своему кабинету. Навстречу то и дело попадались коллеги; кто-то выглядит усталым, кто-то бодрым, но все приветливы, все улыбаются и здороваются. Марк Анатольевич – человек популярный, его уважают и любят. Доктор медицинских наук, ведущий врач-стоматолог одной из лучших московских клиник переодевается в принесенную с собой чистую форму (каждый день все только чистое, никогда не позволяет он себе два раза подряд надеть один и тот же комплект) и улыбается, предвкушая новый интересный день. В коридоре сидят пациенты. Кто-то смотрит на него со страхом, кто-то с надеждой.

Едва войдя в кабинет, Марк успел беглым взглядом оценить готовность рабочего места к трудовому дню: ассистентка Дашенька выглядит свежей и улыбается мило, набор стерилизованных инструментов на столике, карты пациентов сложены ровно.

Врач здоровается со своей ассистенткой и открывает первую папку из стопки на столе.
– Тэк-с, – говорит он. – Кто у нас тут сегодня первая жертва?

Доктор наук и стоматолог Марк Анатольевич Гринберг начинает трудовой день.

– Мама, я возьму твой сарафан?

– Какой сарафан? – Лана вынырнула из детского шкафа и с тревогой оглянулась.

– Этот, в голубой цветочек. – Настя появилась в дверях детской, размахивая названным предметом одежды.

– Настя, ты с ума сошла! Это не сарафан, а платье! И... это мое любимое платье, оно тебе совершенно не пойдет.

Девочка надула губы и поинтересовалась:

– Почему это? Впрочем, да, не пойдет: оно мне ужасно велико, ты меня больше на три размера!

– Ах ты, нахалка! Во-первых, всего на два размера, а во-вторых, оно на шнуровке...

– Значит, можно спину и талию сделать поуже? Я тогда его завтра на этюды надену! – обрадованно заявила Настя, прикладывая к себе платье и крутясь перед зеркалом.

– Настя, совесть у тебя есть? Тебе в парк идти, ты там будешь по траве и кустам лазить, а я за него такие деньги заплатила!

– Ой, прости! Конечно, мне не положена приличная одежда! Обойдусь какими-нибудь обносками! Вон Лизка в деревню родственникам что-то отправляет; может, мне попросить у нее пару тряпок? Перешью и буду ходить, а что? Зато бесплатно!

Платье диковинной синекрылой птицей взметнулось в воздух и приземлилось мимо кресла. Дверь хлопнула: Настя унеслась к себе в комнату. Близнецы, испуганные криками и хлопаньем дверей, захныкали. Дочь-подросток, сказала себе Лана, – это... это явление, от которого маме часто хочется плакать. То ли от осознания, что из малышки-карапузика удивительно быстро выросла такая симпатичная, амбициозная, талантливая девушка. То ли от облегчения, что еще чуть-чуть потерпеть – и девушка эта, даст бог, замуж выйдет или просто отдельно жить станет... Лана на секунду закрыла глаза. Только на секунду, больше

нельзя, иначе Мика обязательно попытается дотянуться до подвернутых штор и покачаться на них, а Лека станет кусаться.

Господи, скорее бы закончился учебный год! Десятый класс, такое дурацкое время. В прошлом году были экзамены за девятый класс, в следующем Насте сдавать ЕГЭ. А в этом – непонятно что. Учеба еще какая-то вроде тянется, хотя смысла в ней особого никто не видит. А ведь девочка, помимо обычной, посещает еще и художественную школу, нагрузка у нее очень большая. Настя устала и капризничает.

Лана встрепелулась и принялась ловить сыновей, чтобы собрать их гулять. Выход на прогулку с близнецами – дело непростое, и через десять минут у нее появилось огромное желание запереть мелких негодяев в туалете или шкафу, а самой принять душ. Дети – это счастье. Лана это знает точно и понимает, что трудности, сопряженные с выживанием родителей в условиях повышенного счастья, – явление временное. Просто у мальчишек сейчас такой активный период – два с половиной года, – и они бегут сразу во все стороны и пробуют на зуб и прочность все, до чего могут дотянуться. А у Насти, которой недавно исполнилось шестнадцать, все длится переходный период... впрочем, некоторые родители, например Цилия, мама Настиной подружки Лизаветы, убеждены, что у детей все периоды жизни переходные. От младенчества к детству, через эту кошмарную школу, потом во взрослость, а там уж и кризис среднего возраста не за горами, за которым плавно подъезжает возрастной маразм. Так что вся жизнь – один сплошной переходный период, и «покой нам только снится!».

«Все идет нормально, – твердо сказала себе Лана. – У меня любящий муж, чудесные, хоть и шумные дети, а потому все хорошо!»

– Лека, не грызи стул!

Настя тем временем копалась в шкафу, как сердитый терьер в норе. Вот черт, тряпья полно, вываливается все, а надеть нечего! Только на прошлой неделе они с Лизкой пробежались по магазинам, да еще Лана купила пару кофточек, но разве это вещи? Разве имеет значение то, что одежда не помещается в шкафу и часть прошлогодних вещичек Настя уже втихаря отдала той же Лизке для ссылки в деревню. Не носить же в самом деле прошлогодние коллекции – это же отстой полный!

Настя сердито хлопнула дверцей шкафа и, усевшись на подоконник, уставилась на улицу. Вот вечно эти предки все портят! Она сегодня с утра все придумала: как здорово будет на ней смотреться то длинное мамино платье и как она подберет светлые волосы в такой высокий узел и ее глаза – большие зеленые глаза на (что уж там скромничать) хорошеньком личике – будут сиять ярко-ярко, и Максим будет смотреть только на нее, а не на эту дуру Катьку. Подумаешь – натуральная рыжая! Вот она, Настя, натуральная блондинка, и круче этого все равно ничего нет. В чем же идти сегодня на этюды, а? Это просто горе какое-то!

Телефон взорвался трелью, Лана, которой уже удалось переместить малышей в прихожую, быстро схватила Мику за шиворот: он обожает подходить к телефону.

– Настя! Возьми трубку! – крикнула она, выпихивая мальчишек за дверь квартиры и искренне жалея, что на детей нельзя надеть ошейники и прицепить поводки. Все нормальные родители возят детей на прогулку в коляске. Есть даже такие специальные коляски: двойные, для близнецов или погодков. Но вот поди ж ты, ее мальчишки категорически отказались садиться в коляску, как только научились передвигаться на своих двоих. «Наверное, будущие туристы», – умилился Марк, а Лана только вздыхала: очень трудно управляться с шустрыми, но малосознательными детьми.

Лана уже исхитрилась повесить на плечо сумку, вручить каждому из малышей по ведру с формочками и машинками и вела их к лифту, когда из-за медленно закрывающейся двери квартиры до нее долетел голос Насти:

– Это тебя!

Черт! Женщина заколебалась. Вернуться? Мальчишки устроят потасовку, рассыплют все, что есть в ведрах, потом захотят пить, потом писать, и на прогулку выйти получится невеста когда.

– Пусть перезвонят на мобильный через пятнадцать минут! Или через полчаса! – крикнула Лана.

Однако мобильник задергался в кармане, не успела она выйти из подъезда. Лана тихонько зарычала, мелкие негодяи, однако, услышали, тут же с энтузиазмом подхватили рычание, и низкие своды подъезда усилили его многократно. Соседка Софья Леонидовна, возвращавшаяся домой с прогулки и открывшая дверь, шарахнулась прочь, а дверь попыталась захлопнуть. Только вчера она смотрела по телевизору очень содержательную передачу о том, какие опасности поджидают горожан в самых неожиданных и привычных местах. Оказывается, любой человек – и сосед, и продавщица в магазине – могут оказаться энергетическими вампирами. Или еще чем похуже. Вспоминая кое-кого из бывших коллег в научно-исследовательском институте, Софья Леонидовна осознала всю правоту авторов передачи и потому постаралась оградить себя от возможной агрессии именно так, как советовали в той полезной программе. Она не поленилась встать рано, пойти в парк и нарвать там полыни, которую – по утверждению знающих людей, выступавших в передаче, – на дух не переносят ведьмы. Затем она зашла в церковь, купила образок святого Георгия для борьбы с нечистью, налила в пластиковую бутылочку святой воды и купила свечек, чтобы окропить и окурить квартиру. Прогулка утомила и Софью Леонидовну, и ее разбалованного коротконого мопса Зяпу (вообще-то в паспорте собаки значилось звучное и благородное имя Баффин Зигфрид Эрлих, но кто же в состоянии это выговорить?). Медленно подходя к дому, пенсионерка мысленно перебирала все, что успела запомнить и записать из услышанных рекомендаций. Задумалась она глубоко и потому была до полусмерти перепугана дикими звуками, вырвавшимися из дверей родного подъезда.

Софья толкнула дверь со всей силы, и Лане пришлось подставить плечо и принять удар на себя, чтобы не зацепило детей. В результате они вывалились на улицу под причитания Софьи Леонидовны «Свят, свят» и «Ну и молодежь пошла!», ликующие детские крики, заливистый лай вредной Софьиной собачонки и Ланины стоны.

Мобильник в кармане продолжал трепыхаться и вибрировать. Лана сжала зубы; не до разговоров сейчас! Улица – зона повышенной опасности. Она крепко ухватила мальчишек за руки и повлекла в парк. Для этого им предстояло пройти квартал и два перекрестка. Раньше этот путь казался Лане коротким и несложным. Но теперь она преодолевала его как полосу препятствий. Вот первый перекресток. Надо приструнить малышей и перейти дорогу быстро. А как можно быстро, когда ножки у мальчишек маленькие, а в руках покачиваются ведерки, набитые всяким добром? Так и есть – одна из машинок вывалилась, когда Лека особенно энергично взмахнул ведром. Несмотря на его вопли, Лана не остановилась. Они выбрались на тротуар, и она потащила упирившегося малыша дальше: немыслимо дождаться еще одного такта светофора, возвращаться, поднимать машинку, да и где гарантия, что она не попадет под колеса автомобиля и не будет безжалостно разломана? Тогда дети совсем расстроятся и слез будет еще больше.

– Мамаша! Погодите!

В этот раз машинке повезло: молодой парень шел следом, подобрал игрушку и теперь протягивал ее плачущему Леке. Тот схватил машинку, внимательно осмотрел и, уверившись в целостности экземпляра, прижал к груди.

– Спасибо большое! – воскликнула Лана.

– Да не за что!

Второй опасный момент на пути к столь желанным песочницам и зелени парка – шиномонтаж на углу. Здесь всегда есть припаркованные машины и пара мрачных механиков в грязных комбинезонах, которые в этих машинах ковыряются. Мика и Лека замирают перед очередным стреноженным механическим конем, потом подходят ближе, присаживаются на корточки и как зачарованные наблюдают за поворотами разводного ключа или другими манипуляциями специалистов. Сперва они даже пытались поучаствовать в процессе, но один из дядек сурово каркнул: «А ну не лезьте!» – и с тех пор малыши только смотрели, благоговейно сопя. Лана дала им полюбоваться на процесс ремонта десять минут, которые показались ей на удивление долгими, потом потащила сыновей дальше. Дальше – это палатка с хлебом, где покупалась плюшка или хлебные палочки.

Слава богу, вот и парк! Лана отпустила потные, юркие ладошки, и оба мальчишки рванули со всех ног к разноцветному заборчику, за которым имелось детское счастье: маленькая горка, песочница и домик. Таких площадочек для самых мелких в парке было несколько, и потому всем хватало места, особенно летом, когда большинство деток на даче. Не отрывая глаз от детей, Лана села на скамейку. Перевела дух, потерла плечо, которое ныло после удара дверью, и достала умолкнувший где-то в пути телефон. Пятнадцать непринятых звонков. И кто же это такой упорный, удивилась она, глядя на незнакомый номер. Словно в ответ на невысказанный вопрос телефон опять ожил и затрепыхался в конвульсиях вибровызова.

– Да, я слушаю.

– Светка! Привет!

– Привет, – растеряннотозвалась Лана, пытаясь идентифицировать знакомый, но забытый голос.

– Ты там как?

– Нормально.

– Как твои обормоты маленькие?

Господи, да это же Тата! Лана расслабилась и даже улыбнулась. С Таткой они работали раньше в одной компании, потом подруга закрутила роман с управляющим Томасом Юнсоном, шведом с мужественной внешностью настоящего викинга. Вскоре шведа перевели в офис в Германию, и Тата поехала с ним. Каким-то образом Томас смог убедить руководство, что она бесценный сотрудник и именно в таких кадрах нуждается их немецкое представительство. И вот теперь Татка (которую вообще-то звали Наталья) вопила в трубку так, что мамочки и няни, сидевшие на соседних лавочках, прислушивались с интересом.

– Светка! Я тебе по DHL выслала приглашение! И Марку на всякий случай! Так что если сможешь – приезжай всем табором. Если нет – то хоть одна!

– Какое приглашение?

– Как какое? Я же замуж выхожу! Прикинь? Мой викинг все-таки дозрел! Ну, честно сказать, не без моей помощи, потому что я забеременела. Так ему и сказала – не хочешь семью, я домой уеду и буду там ребенка растить. Сразу выяснилось, что он очень хочет. И жениться, и детей. А что ж ты молчал, спрашиваю. Вдруг бы ты не захотела, говорит. Ну, не кретин? Так что мы тут устраиваем пир горой, он назвал своей родни из Швеции. Но его мать, оказывается, немка, так что мы тут жениться будем, в Германии. Светка! Ты приедешь?

– Господи, Тата, я тебя поздравляю! Я так рада! Но как же я поеду? А мальчишки?

После этих слов экспансивная подруга взвыла так, что Лана поспешно отодвинула трубку от уха. Договорились на том, что Светлана обсудит все с Марком и подруги созвонятся по скайпу.

Марк, насвистывая, закрыл последнюю карту. Дашенька гремела инструментами, прибирая рабочее место. Вот и закончился еще один трудовой день, и в целом день этот, несомненно, удался. Марк лечил больных, провел занятие с практикантами, в обед встретился с

аспиранткой Оленькой, раскритиковал ее статью и твердо дал понять, что если она не начнет трудиться, то даже дедушка-профессор ей не сильно поможет. В общем, все хорошо, прекрасная маркиза...

– Дашенька! Я пошел?

– Да, Марк Анатольевич! – Девушка откинула со лба прядь волос и робко улыбнулась врачу. – Я уже почти закончила, карты отнесу.

– Спасибо. – Марк легко поднялся, потянулся, сделал вид, что не заметил восхищенного взгляда медсестры. – Хорошего вам вечера.

– Спасибо, – пролепетала девочка, и Марк осторожно прикрыл за собой дверь кабинета.

Он научился выстраивать отношения с подчиненными методом проб и ошибок. Молоденькие медсестры могут таить в себе как всяческие приятные сюрпризы, так и массу опасностей. Но Марк был большим знатоком по женской части и ходоком (пока не женился). А потому умел избегать неловких и двусмысленных ситуаций, чем вызывал большое уважение сослуживцев.

Он возвращался домой в отличном настроении. Поставил машину в гараж, зашел в магазин и купил хлеба, потом, насвистывая, вошел в подъезд. Подумал, что надо бы навестить тетюшку, которая проживает в одном с ним доме, но двумя этажами выше. Потом вспомнил, что тетя Рая уехала к родственникам в Черновцы, и направился прямо домой. Открыл дверь и тихонько проник в квартиру. Из спальни доносилось гудение и пыхтение: мальчишки во что-то играли. Марк скинул ботинки, вымыл руки и только после этого вошел в комнату. И застыл на пороге.

Мика и Лека возились на ковре, катая машинки, а Лана лежала на кровати, вытянувшись и сложив руки на груди. У Марка вдруг сжалось сердце, и несколько секунд он не мог заставить себя сдвинуться с места. Потом рванул вперед и, рухнув на кровать, схватил жену за плечо. Лана завопила, малыши, побросав все свои дела, испуганно уставились на родителей и тут же заревели в голос. Какое-то время обмен репликами между мужем и женой поразил бы своей бессодержательностью даже члена «Комеди Клуба»:

– Ты чего?

– А ты чего?

– Ты меня напугала!

– А мне больно!

– Дети испугались!

– Нечего подкрадываться!

– Эй, вы что, сбесились? – возмущенно воскликнула Настя, появляясь на пороге комнаты.

Она только что вернулась из Царицына, куда их класс художественной школы ездил на этюды. По растрепанному виду и хмурому личику было видно, что у Насти день выдался гаже некуда. Максим установил свой этюдник первым, и, пока Настя колебалась, прилично ли порядочной девушке вот так просто подойти и устроиться рядом, наглая Катька плюхнулась на единственное свободное место рядом с ним и еще заверещала: «Ой, так тяжело было нести... помоги поставить». И он, конечно, помогал, а Катька смотрела на него снизу вверх и кофту с одного плеча приспустила, а потом весь день лезла к нему. То ей краску, то шпатель, то вот что он думает о пропорциях и тонах. А потом угощала его пирожками, и они пили кофе из его термоса... Настя все губы искусала, потому что Максим сегодня был просто чудо как хорош, и писать хотелось его, а не какой-то дурацкий дворец, который московские власти то ли по наивности, то ли из хитрости выдают за исторический памятник, хотя какой он памятник – новодел и больше ничего!

Она так перенервничала, что этюд у нее получился так себе, и преподаватель, похожий на Моцарта легкостью и веселостью, Николай Арсенович Рубин, удивленно вскинул брови и сдержанно заметил: «Настенька, сегодня не ваш день... настроиться нужно на работу, настроиться, если хотите результат, а не халтуру. Впечатления – это прекрасно, но и про средства их выражения нельзя забывать». Это стало последней каплей, и по дороге домой Настя разревелась, как последняя дура. Сидела в маршрутке и хлюпала носом, чувствуя любопытные взгляды пассажиров. И вот она приходит домой в надежде найти здесь понимание и утешение... или хоть возможность сорвать злость на близких. И что? Эти близкие орут друг на друга, как потерпевшие!

– У всех родители как родители, а у меня – пара психов! – выпалила девушка, забыв, что сама демонстрировала спокойствие и рассудительность весьма давно. – Пошли, малявки, а то научитесь у них и станете такими же ненормальными! – И, подхватив мальчишек, Настя гордо удалилась.

Марк и Лана уставились друг на друга. Муж очнулся первым:

– Что с плечом?

– Дверью попало, Софья Леонидовна перепугалась, когда мы выгружались из подъезда.

– Курица эта Софья! Дай посмотрю... Ох, какая гематома... Подожди, я мазь принесу.

– Да ладно, потом. Давай поешь сначала. Ужин...

– Черт с ним, с ужином...

– Как это черт с ним! Я, между прочим, готовила!

Наконец все как-то поели, помылись и расползлись по кроватям.

Лана зашла к Насте. Та сидела на подоконнике, смотрела на улицу и покачивала головой в такт музыке, звучащей в наушниках. Лана села на кровать дочери и обвела грустным взглядом захламленную комнату. Убраться бы... но ни сил, ни времени нет. Да и уверенности, что Настя не примет ее уборку в штыки, тоже нет. Она украдкой разглядывала дочь. Красивая девочка. Похожа на отца, будь он не ладен. Ох, о мертвых так нельзя... Светлые волосы, большие серо-зеленые глаза, оттенок их цвета меняется в зависимости от настроения. Когда девочка весела и беззаботна, глаза ее светлеют и обретают оттенок весеннего облачного неба. Сердитая Настя смотрит на мир серыми грозowymi очами. Задумчивость и сосредоточенность придает им зеленоватый оттенок, и в такие моменты девочка удивительно хороша. У Насти стройное тело, пока немного худощавое, но в течение ближайших двух лет оно нальется женственностью и утратит подростковую угловатость.

Настя, почувствовав взгляд, обернулась. Что-то в лице матери напугало ее. Она выдернула наушники и сползла с подоконника.

– Эй, мам, ты чего?

Подошла, села на пол и положила светловолосую голову на колени Ланы. Та гладила локоны девочки. Настя, глянув на мать снизу вверх, увидела, что Лана плачет.

– Ну, мам, ты чего? Не буду я больше на твои платья покушаться.

– Да черт с ними, с платьями... Устала я немножко.

– Ладно, мам, давай я чего-нибудь сделаю, хочешь? Ну, уберусь завтра.

– Ты вчера убиралась.

– И завтра могу. А утром, хочешь, я мелких покормлю, а ты поспишь?

– Да ладно. – Лана вытерла глаза. – Это я так. Ты лучше скажи, чего такая грустная пришла. Жаныч наругал?

– Ну, в общем, да... Этюд не получился. Дворец этот дурацкий...

– Не переживай, ты у меня самая талантливая. Но даже у гениев не всегда все бывает безупречно.

– Да я знаю... Дурацкое какое-то время. Вроде и весна, а не радуется. Скорее бы уж школа кончилась, Лизка вернется, и мы поедем в лагерь.

– Ты не передумала ехать? – с затаенной надеждой спросила Лана.

– Нет... Да ладно тебе, мам! Не съедят меня там! Ты же сама отзывы в Интернете читала, никто особо не ругался. Обычный лагерь, костры, танцы, спорт, кружки. Море под присмотром вожатых. И в чате никто из ребят ничего плохого не написал: акватория для купания огорожена сетками, дно чистят, вожатые бдят. Все пишут, что чувствовали себя как в детском садике.

– Ладно, ладно, если тебе так приспичило в этот лагерь – езжай, я ничего.

Идея с поездкой в летний лагерь в Крым возникла сразу после Нового года. Лиза и Настя принялись обрабатывать родителей, внушая им мысль о том, что двум измученным московским климатом и тяжелой учебной школьницам просто жизненно необходимо море и солнце. Турция? Нет, спасибо. Кроме моря и солнца, объяснили девушки, им желательно получить некую степень свободы и все прелести отсутствия предков. Девушки настаивали на поездке в лагерь.

Более того, как только родители дали слабину и проявили к теме первые признаки интереса, им был предложен «на выбор» совершенно конкретный вариант. «Орленок»? На фиг? Смотреть, как там богатые дети травку курят и понты кидают? «Артек»? Не смей меня: половина детей едет за большие деньги, а вторая половина – ударники труда, то есть учебы, которые этому гламуру завидуют. Нам там делать нечего.

Но имеется прекрасный вариант: лагерь от одного из федеральных вузов. Вожатые – студенты и аспиранты, а не какие-то там... Традиции и здравый смысл. Капитальный ремонт был два года назад. Цены подъемные. Ну же, родители, что вам еще надо?

Конечно, родителям главное, чтобы их дети были счастливы. А потому они повелись на тщательно продуманный развод и купили путевки в лагерь на Южный берег Крыма.

Не нужно думать, что девочки мечтали вырваться из оков родительской опеки, чтобы обжиматься в кустах с мальчиками и курить в кустах за корпусом. О нет, все было гораздо серьезнее.

Прошлым летом Лиза и Настя пережили настоящее приключение¹. Началось все с приезда Лизиной тетушки, которая оказалась гадалкой и последовательницей древнего и мистического культа богини Исиды-Нефтиды. Тетка успела порядком задурить Лизавету голову, и та решила, что наверняка сможет найти храм этой самой богини. По всем расчетам получалось, что храм должен находиться в Греции; и не просто в Греции, а на острове Корфу. Отпуск Марка подвернулся очень кстати, и мамы с готовностью отправили с ним девочек в теплый и солнечный рай.

В ходе бурной изыскательской деятельности подружки обзавелись друзьями и врагами, разоблачили банду контрабандистов, чуть не погибли и помогли местному археологу-любителю отыскать статую Аполлона. Однако храм они не нашли, и это было тем более странно, что даже карта у них имелась. Карта была скопирована с какого-то древнего источника и являла собой схематическое изображение части побережья. Проблема состояла в том, что никто из местных не мог сказать, где это место находится.

Марк, Настя и Лиза благополучно вернулись в Москву. Лизе в наследство от тетки, убитой последователями того самого культа древних богов, осталась статуэтка Нефтиды. Девочка предусмотрительно спрятала ее и ничего не сказала матери. Лизавета продолжала верить, что где-то ее ждет храм, посвященный мрачной и таинственной богине. Через пару недель после возвращения из Греции Лана заглянула к дочери:

– Что делаешь?

¹ См. роман «Греческие каникулы». М.: Издательство Центрполиграф, 2012.

– Да так... разбираю сувениры и снимки. Осенью ведь придется доклад делать в школе. «Как я провела лето»! Сама знаешь, у нашей классной фишка такая – презентации и доклады по любому поводу. Так уж лучше сейчас, пока время есть, все рассортировать.

Лана устроилась рядом с дочкой, с любопытством подержала в руках купленную на базаре в далеком южном городе каменную статуэтку кошки, примерила браслет из ракушек. Настя листала на компьютере снимки, время от времени комментируя:

– Это бунгало, где мы жили... это Таки, наш садовник... это бухта...

– Красиво как! А это что?

– Сад одного приятеля... Марк тебе рассказывал: Родерик Лоувич. Хороший такой дядька. Там рядом еще виллы, только заброшенные. Но красиво и ненормально просто. И сады чудесные.

– А это?

– Это карта Корфу. Ее нарисовала жена Родерика. Она была археологом. Срисовала откуда-то прямо на стену. Вот, смотри, здесь лучше видно. Прикольно, да?

– Да... – Мать разглядывала фото так внимательно, что Настя занервничала. Само собой, еще в самолете Марк, Лиза и Настя договорились не рассказывать родным о своих приключениях. Зачем волновать понапрасну? Они живы и здоровы – это главное.

– Сейчас я тебе черепашек покажу... и ящерицу сфоткала, – заторопилась девочка.

– Нет, подожди... верни карту. – Лана еще раз взглянула на снимок, а потом уверенно заявила: – Это не Корфу.

– В смысле?

– В том смысле, что эта карта не имеет никакого отношения к греческому острову. Уж не знаю, откуда твоя археологическая дама ее срисовала, но это карта Крыма.

– Крыма? – ошарашенно переспросила Настя. – Не может быть!

– Очень даже может! – несколько обиженно возразила Лана. – Я, знаешь ли, в студенческие годы провела там достаточно времени, чтобы узнать ландшафт. Пропорции несколько искажены, но тем не менее все на месте. Это южное побережье.

– Но какое отношение украинский Крым имел к грекам?

– Настя! В то время про Украину еще и разговора не было! Чему вас в школе учат, я не понимаю! На месте Судакской крепости... Вот здесь было поселение греков, кажется из Милета. Керчь находится на месте древнего Панти-капея, столицы Боспорского царства. В районе Евпатории были греческие поселения.

– Оживленная была местность, – пробормотала Настя. – Но это точно Крым?

– Ну конечно! Вот, смотри, здесь Алупка и роскошный парк – вот и деревья нарисованы. Это Алушта... не знаю, что значат амфоры, может, виноградники. Горы: здесь Ай-Петри, а эти, на краю, – Карадаг. Вот в этом районе, помеченном рожками и... это голова? Тут должны быть пещеры. Раньше мы туда лазили на свой страх и риск, а теперь, говорят, даже экскурсии есть...

Так девицы обрели новую надежду найти храм богини Нефтиды. Осталось придумать, как попасть в Крым. После некоторого размышления они решили, что до следующего лета надеяться не на что, и смирились с отсрочкой. Однако Лиза и Настя провели большую подготовительную работу, результатом которой и стала запланированная поездка в летний лагерь и тщательное изучение по всем имеющимся в Интернете источникам истории и территории Крыма.

Кто-нибудь может подумать, что не так-то просто связать богиню Древнего Египта с Крымским полуостровом. Однако Лизавете последовательность событий представлялась вполне логичной. У всех древних народов существовал культ богини плодородия. В разных концах земли ее называли разными именами, придавали ей различные атрибуты и харак-

теристики. Египтяне разделили эту женскую сущность на две части. Богиня Исида, сестра Осириса, покровительствовала плодородию, рождению и прочим благим событиям. Но у нее имелась сестра, во власти которой находились темные стороны человеческого бытия, в том числе и магия.

Ее звали Нефтида. Так же как и царственную сестру, Нефтиду всегда украшали изображением рогов, меж которыми тусклым золотом блеснул диск солнца. Вот только диск этот древние художники наполовину (а то и полностью) затемняли. Греки многое унаследовали от мудрости Древнего Египта, в том числе обычаи проведения мистерий – древних магических обрядов, связанных с именами темных богов. И куда бы ни плыли их корабли, где бы ни основывались города и поселения, греки сооружали алтари и храмы своим богам. Зачастую местное население, столь же склонное к многобожию, находило за новыми именами привычные черты громовержца, врачевателя, покровительницы жизни и с охотой поклонялось вековым традициям, не слишком обращая внимание на несущественные отличия.

Кто скажет, на греческом ли корабле прибыли на остров жрецы темной богини или сошли на каменистый берег с борта киммерийского судна... На каких языках звучали молитвы и песнопения, пока кровь жертв орошала алтарь? Не важно, ибо все минуло давным-давно, кровь впиталась в землю и проросла виноградными лозами.

Однако древние боги, наверное, действительно бессмертны, если московская девочка-десятиклассница, вместо того чтобы бегать на дискотеки и думать о мальчиках, проводит вечера подле компьютера, вновь и вновь вчитываясь в чуждые и странные названия – Демерджи, Чатыр-Даг, Ай-Тодор. На экране встает побережье, разорванное штормами и ветрами; поднимаются вершины старых гор, по склонам которых прошло множество ног: здесь были скифы, сарматы, греки, гунны, турки, генуэзцы, русские, казаки и бог знает кто еще. Люди разных языков и обычаев, они вглядывались в очертания вершин и склонов полуострова и придумывали им имена. А горам все равно, как их называют; равнодушно принимают они прозвища, звучащие на разных языках, и не плачут над трогательными легендами о влюбленных красавицах, которые так любят рассказывать местные гиды.

Глава 2

– Марк! Марк, стой!

Марк Анатольевич, возвращавшийся домой с работы, притормозил и оглянулся. К нему спешила соседка. Циля, по мнению многих, была женщиной выдающейся. Первое выдающееся качество, которое бросалось в глаза всем и каждому, – это ее бюст. Второе – неумная энергия. Имея двоих детей и прилично зарабатывающего мужа, Циля не работала, но никому и в голову не приходило обвинить ее в лени или праздности. Она охотно помогала всем, кто бы ни обратился за помощью. Готовила обед у Ланы, чтобы дать той возможность отдохнуть, или сидела с детьми, если Лане надо было к парикмахеру. Кормила рыбок и поливала цветы, когда семейство профессора, проживавшее этажом выше, в очередной раз отбывало на конгресс, в отпуск или на дачу. Родственники искренне считали ее ангелом-хранителем, потому что Циля никогда не отказывалась купить продукты, помочь выбрать платье, найти портниху, разобраться с коммунальными счетами, договориться с прорабом, выбрать обои и так далее.

– Ой, как хорошо, что я вас встретила! – Циля несколько раз глубоко вздохнула, чтобы отдышаться, и Марк с интересом и не без удовольствия наблюдал за процессом. – Вы мне завтра нужны на вечер. С Ланой я договорюсь.

– Пардон? А что нужно делать? – По наивности он решил, что Семен, муж Циля, отбыл в одну из многочисленных своих командировок и нужно будет подвигать мебель или выполнить другую работу, требующую грубой мужской силы.

– Вы мне нужны в качестве мужа, – решительно заявила Циля.

– А Сема? – растерялся Марк.

– Нет, Сема не годится, действовать необходимо срочно, а он вернется на следующей неделе, а потом уедет опять... Ну, вы же знаете моего мужа! А вот вы в самый раз. Только... – она окинула мужчину оценивающим взглядом, – я думаю, надо бы побольше брутальности в облике...

Может, косуху надеть? У вас есть кожанка, такая потрепанная и с цепями?

– Циля. – Марк сделал шаг назад, пытаясь осторожно высвободиться из цепкой хватки, но соседка по-прежнему крепко держала его за руку. – Я как-то не совсем понимаю...

– Ну я же еще не начала объяснять! Вот смотрите, все просто, но это вопрос жизненно важный, потому что в наше время каждый негодяй норовит обидеть незащищенную женщину, а она такая милая и интеллигентная, но, к сожалению, совершенно не умеет за себя постоять.

У Марка голова пошла кругом.

– Циля! – рявкнул он так, что над подъездом взвилась стая голубей, а у стоящей рядом машины взвыла сигнализация. – Я ничего не понимаю!

– Вот! – возопила в ответ Циля. И песик, пристроившийся было к ближайшему дереву, счел за благо удалиться, а в окнах дома показались любопытные лица соседей. – Вот так просто замечательно! Вы именно то, что нужно.

Марк понял, что от убийства милейшей женщины его отделяет всего ничего, подхватил ее под руку и повлек за собой в подъезд. В лифте он молчал, и Циля, к его удивлению, тоже. Впрочем, он вспомнил, что лифтов она боится и, как правило, ходит пешком. Они ввалились в квартиру, и Лана, выскочившая в прихожую, обрадовалась:

– Циля! Привет! Проходи, поужинаешь с нами?

– Давай, – не стала отпираться Циля. – А то я одна: Сема уехал, Лиза и малыш у родственников, так мне и готовить не хочется. Заодно худею...

На ужин были вкусные картофельные котлеты и салат. Марк достал из шкафа бутылку вина, и под котлеты и вино Циля поведала наконец свою историю. Впрочем, история-то при-

ключилась вовсе не с ней, а с Верой, подругой ее двоюродной сестры (но столь неблизкое знакомство совершенно не помешало Циле принять происходящее близко к сердцу).

Несколько лет назад Верочка вышла замуж. Он был на пятнадцать лет старше, военврач. Она его обожала и была совершенно счастлива. Потом муж тяжело заболел и в прошлом месяце умер. И тогда выяснилось, что в квартире прописан еще его сын от первого брака, алкоголик и тунеядец. Сына этого Верочка видела не раз, он регулярно приходил к отцу тянуть деньги, а последнее время еще и подворовывал из квартиры. И вот теперь этот Костик привел риелтора, который потребовал от Верочки миллион. Мол, тогда квартира будет ее целиком. Костик на миллион согласен, он возьмет деньги и съедет. Но Верочка впала в ступор. Во-первых, у нее нет таких денег, работает она в каком-то загибающемся институте, и если взять кредит, то с ее зарплатой выплачивать придется две или три жизни. Да и нет у женщины уверенности, что Костик с риелтором не кинут ее с этой сделкой.

Верочка поделилась проблемой с сестрой. Сестра (в квартире которой одна комната принадлежала Верочке) живо смекнула, что есть все шансы получить родственницу обратно в квартиру, где ей с мужем и двумя детьми живется хорошо. И сестра развила бурную деятельность. Они с Цилей придумали план: Верочка должна предложить риелтору другой вариант сделки: пусть ей заплатят миллион и она из квартиры выпишется. Что там будет с алкоголиком, ее не волнует. Сестра клятвенно пообещала денег добавить, чтобы хватило на покупку отдельной квартиры... ну не в Москве, так в области. Вот только одной бодаться с мужиками страшно, и Циля, как знаток человеческой природы, заявила, что Верочке нужно предъявить риелтору хахалю. Мол, я вот не одна, есть человек, готовый в квартиру прописаться и вообще за меня постоять... И вот на роль этого друга сердечного Циля и предназначила Марка, бесхитростно пояснив, что выглядит он солидно и к Верочке вязаться не станет, потому как при жене и человек порядочный.

Марк, у которого от открывшихся перспектив пропал аппетит, отодвинул третью котлету и заявил, что с такими делами должен разбираться адвокат.

– Это ты Алана имеешь в виду? – вскинулась Циля. – Дядюшку своего? Да он столько берет, что Вере от миллиона достанутся три копейки! Я его порекомендовала своей однокласснице, так она потом жаловалась.

– Сколь мне помнится, – холодно заметил Марк, – именно Алан нашел для твоей одноклассницы две виллы ее муженька и счет на Каймановых островах, о которых она ничего не знала, и помог ей обобрать мужа. Не ты ли говорила, что она прекрасно устроилась в Калифорнии?

– Да... но для Верочки это неподъемно!

– Ну, Алан не единственный адвокат на свете. Надо посоветоваться, и он наверняка порекомендует кого-то с более скромными гонорами.

Но Циля не желала ничего слушать. Она уже все придумала: глядя на солидного и положительного Марка, любой риелтор поймет, что он не даст облапошить женщину, с которой его что-то связывает.

– Но, Циля, – пискнула Лана, которая до этого пребывала в состоянии глубокого ступора, – у твоей Верочки буквально только что умер муж!

– И что?

– Откуда же у нее... хахаль, да еще, как ты говоришь, готовый в квартиру прописаться, то есть они явно не вчера познакомились?

– Ну... – Циля передернула пышными плечами. – Муж же не в одночасье умер. Может, у нее было время... Что ты, Марк, в конце концов? Или тебе жаль час потратить на благое дело?

– Нет, часа мне не жалко. Просто каждый должен заниматься своим делом, и твоей Верочке в данном случае нужен именно адвокат. Потому что только он может напугать риел-

тора, – упорно стоял на своем Марк, которому совершенно не хотелось участвовать в глупой авантюре.

Само собой, Циля не ушла без телефона молодого, но приткого адвоката, которого рекомендовал Алан, и, закрыв за ней дверь, Лана вздохнула с большим облегчением. Она Марку доверяет, но все равно... мало ли что там за Верочка!

Вернувшись в комнату, она убрала со стола, заглянула в спальню, убедилась, что Марк укладывает малышей спать, вернулась в гостиную и присела на диван. Телик посмотреть, что ли? Честно говоря, смотреть ничего не хотелось, хотелось спать. Но надо еще на завтра еду приготовить... Лана мысленно провела ревизию холодильника. Для малышей надо сварить супчик, овощи вроде есть... кашу тоже лучше варить завтра, чтобы свежая была. Мясо в морозилке провернутое для мальчишек есть. Это хорошо. Настя пообедает в городе, а если все же придет домой, поест детский суп или омлет. А ужин? В морозилке только сосиски. Или нет, должна быть еще упаковка куриных крыльев. Посыпать травками и в духовку. Гарнир... гарнир вредно.

Или пусть Марк овощей каких-нибудь купит по дороге домой. Ох, скорее бы тетя Рая вернулась! Она обычно помогает с готовкой и дает Лане хоть немного времени на отдых.

Тетя Рая вернулась из Черновцов через два дня утренним поездом, была встречена на вокзале любимым племянником и доставлена домой в комфортабельном салоне «ниссана». Марк занес в квартиру сумки, спросил, нужно ли померить давление, и, когда тетюшка отмахнулась, чмокнул ее в щечку и умчался на работу.

Тетя Рая не спеша приняла душ, сделала себе чайку, посидела в любимом кресле, радуясь благополучному возвращению в родной дом, а потом отправилась на два этажа ниже, прихватив с собой сумку с гостинцами. Мальчишки получили по машинке и на несколько минут были нейтрализованы. Лана и Настя сустились вокруг, а тетюшка выставляла на стол банки с вареньями и соленьями и пересказывала новости и сплетни большого семейства:

– А Леня, который Маши племянник, отбил от рук совсем. Пьет и пьет. Зато Сенечка с женой подались на заработки и сперва уехали в Польшу, потом в Германию, а теперь они в Швейцарии и так довольны, что его родители просто светятся от гордости. Йося прислал письмо из Израйля, он бросил медицину и подался в бизнес...

– Тетя, как же вы все это везли? – ошарашенно спросила Лана, обозревая стройные ряды банок на столе.

– Почему я? Или я похожа на грузчика? – Тетя Рая кокетливо поправила взбитые в высокую прическу крашенные хной волосы. – На вокзал меня проводили, поезд вез быстро, хотя проводница попалась такая грязнуля, что не приведи бог... Я ей так и сказала: деточка, неужели ж у вас и дома такой срач, как в вагоне? Какой муж станет это терпеть?

Настя от хохота повалилась на диван.

– И ничего нет смешного, – фыркнула тетя Рая. – Женщина должна себя держать в чистоте и дом тоже, а если она в этом вагоне почти живет, так то и есть дом.

Она села к столу, приняла от Ланы чашку чая и, воздав должное клубничному варенью, сваренному сестрой, спросила:

– А как вы тут?

– Нормально, – бодро отозвалась Лана.

– Вы очень странные люди, – покачала головой тетя Рая.

– Почему? – спросила Настя с интересом.

– Потому что каждый раз наступаете на те же грабли. И на правильный вопрос даете неправильный ответ. Что такое «нормально»? Или я не вижу, что вы все не в себе и опять ругались?

– Да мы не ругались, – растерянно оправдывалась Лана. – Просто я устала, а потом... – Глаза ее метнулись к дочери.

– А на меня Максим внимания не обращает, – выпалила Настя. – А Марк ходит счастливый как дурак и все время улыбается.

– Настя! – Лана с упреком покачала головой.

– А что «Настя»? Раздражает.

– А что там Лизочка? – дипломатично поинтересовалась тетя Рая.

– Лизка уехала. Угнали ее в Израиль батрачить.

– Настя!

– А что опять «Настя»? Она сама написала: батрачу в их кибуце, как негр на плантации.

– А мне Тата звонила, – торопливо принялась рассказывать Лана. – Помните Тату, то есть Наташу, с которой я вместе работала?

– Конечно, – закивала тетушка.

– Она замуж выходит за шведа, он тоже у нас работал. Приглашение на свадьбу прислала.

– В Швецию?

– Нет, в Германию. Оказалось, что у Томаса, ее будущего мужа, родня и в Швеции, и в Германии.

– А, так ты едешь в Германию! – подскочила Настя. – А я?

– Никуда я не еду, – отмахнулась Лана. – Не говори глупостей.

– А в Германии сейчас сезон распродаж, – не унималась девочка. – Ритка написала, что они из магазинов не вылезают. И еще я хочу увидеть Нефертити.

– Если не ошибаюсь, Нефертити правила в Египте, – холодно заметила Лана. – И ее знаменитый бюст находится в музее Каира.

– А вот и нет! – торжествующе завопила Настя. – Он в Берлинском музее, потому что немцы наперли из Азии и Африки все, что можно, нам по истории рассказывали.

– И что, так и говорили, что «наперли»? – язвительно поинтересовалась Лана.

– Наша историчка еще и не то говорит, – пожала плечами девочка. – А почему ты не поедешь на свадьбу?

– Потому что не могу малышей оставить. И с собой их тащить нереально. Так что извини.

Настя надулась, потеряла интерес к разговору и нацелилась улизнуть к себе в комнату.

– Детка, посмотри десять минут за малыши, а мама ко мне поднимется, хорошо? – попросила тетя Рая.

Когда женщины оказались в уютной, но несколько перегруженной вещами квартире тетушки, та продемонстрировала Лане несколько статуэток:

– Это двоюродная сестра Сима отдала. Наши матери были сестры и получили наследство... Ну, тебе не так важно, что там откуда взялось и как сложилось. Расстались сестры нехорошо, и моя мама долю свою не забрала. Вот Сима меня вызвала повидаться, может, уже и в последний раз...

Лана дернулась было возразить, но тетушка покачала головой:

– Никто из нас, детка, раньше положенного помирать не собирается. Наше поколение живучее, ты уж поверь. Но на эти вещи смотреть надо трезво и делать все по уму. А сын у Симы... – Она помедлила. – Очень своеобразный мальчик всегда был. Он бизнесмен, богатый, но жадный до, до... – Тетушка не подобрала слов и просто махнула рукой. – Вот Сима и решила отдать мне все сейчас, потому что у Стасика потом ничего не получишь. Я их в шкаф поставлю, – продолжала она. – Марку тоже скажу, но он мимо ушей может пропустить, а ты запомнишь. Вот на этой полке – статуэтки ценные и дорогие. Это мейсенский фарфор, старый, он сейчас в цене, да и дальше, думаю, не подешевеет. Если жить будете в достатке,

пусть стоят. Но если деньги потребуются тебе, Настеньке, мальчикам или Марку – продавай и не думай. Вот эти, на нижней полке, попроще, можно на подарок кому. Все ж антиквариат, сейчас это опять модно. Поняла?

– Спасибо, тетя Рая. – Лана обняла тетушку.

– А и на здоровье, – усмехнулась та.

Когда Лана ушла к себе, тетя Рая запустила стирать вещи в машинке, чтобы окончательно выветрить из квартиры запах поезда. Потом она отдохнула, сидя в кресле и поглядывая на привезенные из Черновцов статуэтки. Две она помнила с детства. Одна изображала даму в напудренном парике и роскошном платье с оборками, которое она чуть приподнимала тоненькими пальчиками, выставляя ножку в изящной туфельке. Вторая фигурка представляла кавалера в камзоле, коротких панталонах и туфлях с пряжками. Фигурки мейсенского фарфора стояли в старинном резном буфете, в самой его глубине. Раечка поднималась на цыпочки, прижималась носом к толстым стеклам буфета и долго разглядывала многоцветье и пестроту фарфоровых нарядов и париков. Трогать что-то в буфете было строжайше запрещено, и только мамочка лично раз в год вынимала все красивые вещички, что толпились на полках, и метелочкой из перьев или мягкой тряпицей стирала с них пыль.

– Рая, Валя, вы гулять идете? – долетал со двора крик подружек, и сестры мгновенно забывали про все, окунаясь в пыльное, пахнущее липами лето.

Город Черновцы раскинулся на террасах над рекой Прут. Раечка помнила, как папа говорил, что главное счастливое событие в жизни их города случилось в 1775 году: австрийская императрица Мария-Терезия, воспользовавшись поражением турок в Русско-турецкой войне 1768–1774 годов, аннексировала Буковину вместе с Черновцами в империю Габсбургов. Черновцы стали центром всей Буковины. Город быстро развивался и богател под крылом могучей Австро-Венгерской, а затем Австрийской империи. Здесь строились дороги, школы и больницы. Открылся университет. Да, основным языком власти считался немецкий, но были школы для румынских детей, русских, украинцев, евреев. Все как-то уживались, не особо мешая друг другу.

С 1918 по 1940 год Буковина была частью Румынии, и это было смутное время, как, впрочем, и во всей Европе. С 1944 по 1991 год Черновцы были советским городом, а потом стали городом украинским. Тетя Рая, родившаяся в последний год войны, помнила только советский период, и для нее город навсегда остался воспоминанием счастливого детства. И ведь это красивый город: Центральная площадь с ратушей, созданная по приказу австрийского императора Франца-Иосифа; чудесная, стильная Театральная площадь. Университет, который строился как подворье митрополита: краснокирпичная немецкая неоготика (некоторые так прямо говорят, что эклектика, но это не делает ее менее величественной и впечатляющей). А еще была река, широкие улицы и уютные дворы, парки и много-много друзей. Родной район, где ты знаешь почти всех и все знают тебя.

Двоюродная сестра Сима давно звала ее в гости, но тетя Рая все оттягивала поездку: она ни разу не бывала на родине с тех пор, как девчонкой уехала в Москву, и боялась, что город изменился и покажется чужим. Однако нет, это по-прежнему был ее родной дом, и детство все еще жило где-то здесь, стучало мячом и звенело голосами во дворах, и от этого наворачивались слезы. Красота города, его ухоженность и спокойствие придавали воспоминаниям оттенки светлой грусти. Тетушка порадовалась, что не струсилась и все же приехала еще раз взглянуть на свои любимые Черновцы, или, как ласково и мягко выговаривают название местные, Черновицы.

Единственный кольнувший ее сердце момент случился за день до отъезда. Тетя Рая шла мимо музыкально-драматического театра, и вдруг словно чей-то взгляд наполнил тяжестью затылок. Рая обернулась. В конце улицы мелькнула женщина, лицо которой показалось знакомым, и почему-то сжалось сердце. Удивляясь себе самой, тетушка медленно пошла

дальше по улице, пытаясь переждать сердцебиение и мучительно вспоминая, на кого же была похожа незнакомка. Когда сердце перестало щемить, она решила, что ей все привиделось от усталости и избытка сентиментальных воспоминаний. И все же по дороге домой, сердясь на себя, нет-нет да и оборачивалась.

Устав от воспоминаний, тетя Рая переложила в альбом несколько привезенных из Черновцов фотографий и тщательно подписала, кто есть кто и где.

Затем она подремала, сходила в магазин, посмотрела телевизор и, отказавшись от ужина у племянника, пораньше легла спать. Само собой, в поезде спала она плохо, и вот теперь, устроившись на собственной кровати, вздохнула с облегчением. Все-таки хороший матрас – это великая вещь, и Симе она правильно сказала: купи себе матрас нормальный, что ты все жмешься? Ну, да ее можно понять: с таким сыном рассчитывать можно только на себя, а много ли купишь на пенсию? Вот Марк, дай ему бог здоровья, никогда ничего не жалеет для своей тети. Как Настя сказала сегодня: счастливый как дурак. Вот ведь молодость бестолковая... Марк ли не заслужил свое счастье! А ведь это она, тетя Рая, познакомила его с Ланой. И теперь такая семья у них замечательная, и Настеньку Марк любит как родную. «Завтра... завтра с утра я схожу в магазин, – думала тетушка, – куплю и приготовлю им рыбу. Суп из судака, а на ужин его же запечь. Вкусно и питательно. И Лане не надо будет готовить, бедняжка так устает с малышами. Настя влюбилась в какого-то Максима и злится...»

Мысли текли мелеющим ручейком, и, погружаясь в сон, Раечка опять видела себя на знакомой улице. Вокруг пылило и шумело лето, пахли липы, и Сима опять убежала прыгать с ее скакалкой, хоть толку-то – она, Рая, все равно прыгает лучше! Да только ей велено присматривать за Валею, младшей сестрой, вот незадача!

Следующие несколько дней тетя Рая наблюдала, как все больше нарастает напряжение в квартире племянника. Настя рыдала каждый вечер, потому что наглая Катька заявила, что будет Максиму позировать: он, мол, хочет писать с нее наяду. Лана металась от дочери к малышам. Марк приходил с работы и не понимал, в чем дело. Он по мере сил вносил свою лепту в семейный быт: занимался покупками, купал малышкой. Утром целовал жену и уходил на работу, а Лана опять уговаривала Настю, что если Макс и будет писать Катьку, то это не значит, что он в нее влюблен и что учебный год школьный вот-вот закончится. «Потерпи еще, Настя, контрольные же идут! Ну, поучись еще немного!» Потом Лека бил Мику кубиком по голове, братья орали на два голоса, и Лана бросалась к детям, а злая Настя уходила в школу, ворча, что дома житья не стало.

И вот тетушка в очередной раз поняла, что надо что-то предпринять. Прожив долгую жизнь с любимым мужем, тетя Рая твердо знала, что разговаривать с мужчиной имеет смысл только после того, как он вкусно поел. Она терпеливо дождалась вечера, когда вся семья собралась за ужином. Марк прикончил второй голубец, доел греческий салат и с блаженной улыбкой откинулся на спинку стула. Тетя Рая сочла момент подходящим и спросила:

– Марк, мальчик мой... Когда у тебя отпуск?

– В августе – сентябре. А что?

– Боюсь, до августа твои девочки не доживут, – хладнокровно заявила тетушка.

– Как это? – Марк удивленно воззрился на Настю: та сидела бледная, с красными глазами и неуверенно ковырялась в тарелке. Он перевел взгляд на жену: Лана, вымотанная двумя полноценными прогулками с малышами, клевала носом над салатом.

– Я предлагаю дом отдыха, – быстро сказал Марк. – Сейчас под Москвой есть масса прекрасных мест...

– Это именно то, что нужно, – кивнула тетушка.

– Да я, собственно, все уже нашел и даже предварительную заявку отправил, – гордо заявил Марк. – Шикарный парк-отель, место просто чудесное: цветы, пруды, лес и детские

площадки. Наш заведующий там отдыхал и его дочка с детьми, так что все проверено. Там не нужно будет готовить, меню специальное для малышей, няни очень квалифицированные.

– Это прекрасно! – воскликнула тетя Рая. – Меня возьмешь?

– Конечно, тетя. В отеле есть всякие оздоровительные программы, массаж, ванны.

– Думаю, я тебе пригожусь, несмотря на специальные программы, и аниматоров, и массаж, – усмехнулась тетушка.

– Лана всегда говорит, что с тобой ей спокойней, – радостно закивал Марк.

– Ты меня не понял, мальчик мой. Лана поедет на свадьбу подруги в Германию. И Настя с ней. А мы с тобой возьмем детей и поедем в этот твой шикарный парк-отель.

Далее последовала немая сцена, затем сцена с весьма бурной озвучкой. Настя вопила от восторга и повторяла, что никто, никто, кроме тети Раи, не мог так верно угадать стремления и чаяния юного создания, замученного безответной любовью, душным городом и всем остальным. Лана возражала, что не может оставить детей и не хочет никуда ехать... И чем больше она возражала, тем сильнее ей хотелось сесть в самолет и на недельку... ну всего лишь на недельку слинять куда-нибудь! И Настя оживет. Они смогут болтать сколько душе угодно, и дочка наконец расскажет ей про этого своего Максима. А может, и забудет его... И одеться там было бы недорого.

Марк в ужасе смотрел на женщин и понимал, что они практически уже все решили и ему светит неделя в компании тети и любимых сыновей. Однако Марк Анатольевич при всем своем консерватизме и здравомыслии не чужд был авантюристичности и Лану любил, а потому не мог не согласиться с тетушкой, что отдых его жене просто необходим.

И завертелось все с пугающей скоростью: он договаривался на работе, оплачивал парк-отель, Лана в пожарном порядке покупала билеты, делала визы и спрашивала Тату, что подарить на свадьбу. Затем посетила обе школы и написала заявления с просьбой отпустить Настю с занятий до окончания учебного года. Мама и дочка взяли по чемодану на каждую, намереваясь хорошенько оторваться на распродаже в Германии. Поездку спланировали так, чтобы приехать за несколько дней до свадьбы и потратить это время на прогулки и шопинг, а улететь домой на следующий день после торжества. Выяснилось, что родственники Томаса живут в предместьях Кельна и свадьба будет в их доме.

– Кельн так Кельн! – решительно сказала Настя. – Погуляем не спеша, можем съездить недалеко куда-нибудь, – она уткнулась носом в монитор, где открыта была карта Германии, – вот хоть в Любек.

– Но Нефертити, – робко напомнила Лана. – Она же в Берлинском музее.

– Ну и фиг с ней, – махнула рукой Анастасия. – Стырили ее давно и, уж наверное, больше никому не отдадут. Посмотрим в следующий раз.

Настя торопливо проверяла наличие чистых альбомов, карандашей и прочего инвентаря. Лана настояла на том, чтобы вместе с мужем и тетей Раей поехать в парк-отель, разместила детей, убедилась, что условия не просто хорошие, а замечательные, и вернулась в Москву, чтобы на пару с Настей пореветь вечером, проснуться ни свет ни заря и, поеживаясь от утреннего холодка, тащить к такси полупустой чемодан.

Глава 3

Таксист сопел и ерзал, но ругаться при женщинах не стал. Ленинградка тащилась медленно. Нет, она тащилась ме-едленно-ме-едленно. Лана и Настя извертелись, все время смотрели на часы, сто раз пообещали себе впредь ездить только аэроэкспрессом. Но кто мог предположить наличие пробки в шесть утра? Однако для московских властей нет ничего невозможного, и, сложив ремонтные работы дорожного покрытия с потоком дачников-энтузиастов, они получили вполне устойчивую и полноценную пробку даже в столь ранний час. Времени до вылета в восемь тридцать оставалось все меньше, но вот – наконец-то! Красивый новый терминал Шереметьева, даже народу не очень много. Регистрация на их рейс уже началась, но очереди перед стойкой не было; наши люди любят приезжать пораньше и проводить время в дьюти-фри. Те, кто равнодушен к прелестям беспрошльной торговли, все равно приезжают пораньше из чувства самосохранения: пробки, очереди, досмотр – никогда толком не знаешь, как именно захочет проводить тебя отчизна.

– Мне место у окна, – заявила Настя.

– К сожалению, у окна уже нет. В следующий раз приезжайте пораньше, – сказала девушка за стойкой.

Мама с дочкой довольно быстро проскочили паспортный контроль, и Лана, торопливо обшарив глазами табло, увидела, что посадка в самолет уже объявлена.

– Настя! Двигаем к гейту!

– А по магазинам?

– Лучше на обратном пути. Не спеша! И в Германии должно быть подешевле, так что там и закупимся.

Настя без восторга, но потащилась за матерью. Однако, оказавшись в самолете и обнаружив, что места им достались в разных рядах, одно в шестом, а другое в двенадцатом, она расстроилась окончательно.

– Настя, ну что ты как маленькая! Три часа без меня поскучаешь... Ты же книжку взяла, – уговаривала ее мать.

– Нет, я ее забыла.

– Ну, поспи... – Лана погладила дочку по плечу и пошла было к своему месту, но мужчина, сидевший у окна и слышавший их разговор, легко поднялся с кресла:

– Дамы, давайте-ка поменяемся местами. И юная леди будет довольна.

– Ой, спасибо! – Настя быстренько перетекла к окошку и уставилась в круглый иллюминатор, словно за ним было не скучное поле и служебные машинки, а невесть что интересное.

– Какое у вас место? – спросил мужчина Лану.

– 12Е. Простите, что мы вас так...

– Да что вы! Никаких проблем. – Он сверкнул улыбкой, достал из отделения для багажа небольшую дорожную сумку и отправился к двенадцатому ряду. Командированный, наверное, подумала Лана, автоматически отметив, что мужик вполне симпатичный, хоть и ничего особенного: обычное лицо, коротко стриженные темные волосы, карие глаза, средний рост. Одет неброско, но стильно, и пахнет от него приятно-свежим парфюмом.

– Слышь, Кислый, кончай жрать, на самолет опоздаем!

– Мм, щас. Уже почти доел. Вкусно, знаешь. И вообще, мама всегда говорила, что, если не доешь, силу свою на тарелке оставишь. – Здоровый парень, один из тех, к кому лучше всего подходит серийное название «амбал», торопливо закидывал в рот гуляш и винегрет.

Его напарник вздохнул, брезгливо отпил еще глоток остывшего кофе и нервно взглянул на часы.

– Надо было сесть в другое кафе, оттуда гейт видно.

– Не, там винегрета не было. И мясного. А всякой фигней типа тортики только желудок портить. – Кислый отодвинул тарелку, благовоспитанно вытер рот салфеткой и продолжал: – Да и на фига тебе гейт видеть? Мы фигуранта все равно не знаем. И чем меньше будем по толпе глазами зыркать – тем лучше. Он спец, а такие люди опасность чувствуют.

– Ты таблетки не забыл? – шепотом спросил его напарник, парень поменьше комплекцией, но чем-то неуловимо на Кислого похожий, как бывают похожи люди одной профессии.

– Обижаешь, Костян, все при мне.

И молодые люди подались к гейту, где уже заканчивалась посадка на самолет «Аэрофлота» до Кельна.

Настя уснула, прежде чем самолет успел оторваться от земли. «Ну и хорошо, – подумала Лана, – пусть поспит, тогда будет меньше капризничать, когда приедем». Она достала из кармашка на сиденье толстый аэрофлотовский журнал с картинками и принялась его листать. Третьей в их ряду сидела пожилая дама с аккуратно уложенными волосами и в простом, но явно недешевом костюме. Она с таким неподдельным интересом читала «Вестник бухгалтера», что Лана поглядывала на нее со смесью опаски и уважения. Когда принесли завтрак, она не стала будить дочку и сама есть тоже не стала – из чувства самосохранения. Взяла только кофе. Дама-бухгалтер и вовсе ограничилась минеральной водой. Не успела девушка с тележкой отъехать, как с соседнего ряда поднялся крепкий молодой человек и направился было по проходу в хвост самолета. Однако вдруг остановился подле дамы-бухгалтера и, наклонившись, бросил взгляд в иллюминатор.

– Смотрите, птица! – Он даже ткнул пальцем в сторону окна. Обе женщины уставились в иллюминатор: там бугрились пышные облака, но никаких птиц не было. Самолет немного потрянуло, молодой человек покачнулся. Ловким движением, которое осталось незамеченным, он уронил таблетку в стоявший перед Ланой кофе.

– Извините, наверное, это был другой самолет, – покаянно произнес он. – Но вот очень был на птицу похож.

Он пошел дальше по проходу, а Лана опять уткнулась в журнал.

– Простите, – сказала вдруг соседка. – Вы будете кофе?

– Да как-то расхотелось, – протянула Лана.

– Можно мы с вами поменяемся? А то девочка теперь пока до конца дойдет... А у меня от этой тряски давление падает.

– Конечно! – Лана осторожно переставила еще теплую чашечку на соседний столик. – Не уверена, что там есть кофеин, но вдруг поможет.

Соседка кивнула с благодарностью и, сунув в рот шоколадку, быстро, как лекарство, выпила кофе.

Лана едва успела углубиться в рассказ какого-то яхтсмена (фотографии были дивно хороши), как соседка тронула ее за руку. Подняв глаза, Лана испугалась. Дама тяжело дышала, на щеках ее горел лихорадочный румянец. Лана быстро ткнула в кнопку вызова стюардессы и принялась тормошить соседку:

– Вам плохо? У вас есть с собой лекарства? Что вы принимаете обычно?

Те же вопросы повторила стюардесса, прибежавшая на вызов. Дама с трудом сообщила, что здорова... была до сего дня. Давление низкое, но так плохо никогда не было...

– Низкое? – Стюардесса оперативно принесла аппарат для измерения и ахнула: – Да что вы, у вас сто шестьдесят на сто, это много!

Она принялась копаться в аптечке, вытащила какие-то коробочки. Сочувственно наблюдавшие за происходящим пассажиры негромко советовали:

- Коринфар надо.
- А я всегда капотен пью.
- Лучше всего валокордин.

Из середины салона поднялся пожилой мужчина, подошел, спросил, какое давление показал аппарат, забрал из дрожащих рук стюардессы флаконы, вытряхнул из одного из них таблетку и докторским голосом велел даме:

- Под язык и рассосите не спеша.

Он пощупал пульс, нахмурился, спросил у стюардессы, нельзя ли положить женщину. Та, колеблясь, бросила взгляд в сторону салона бизнес-класса. Наклонившись, доктор что-то сказал ей на ухо. Девушка глянула на него испуганно, и вдвоем они увели даму за шторку, отделявшую бизнес от эконом-класса.

Настя от всей этой возни проснулась, но сидела молча, тараща испуганные глаза. Когда шторка закрылась и Лана повернулась к ней, дочка привалилась к ее плечу, потом и вовсе легла на колени матери и опять задремала.

Самолет сел в Кельне в девять сорок пять (что при разнице в два часа с Россией практически свело на нет трехчасовой перелет). Когда пассажиры гуськом выходили из салона, Лана спросила у одной из стюардесс:

- Как себя чувствует та женщина, которой стало плохо?
- Девушка глянула испуганно, потом быстро ответила:
- Забрала скорая... Тот доктор сказал, что у нее тяжелый гипертонический криз.

Сзади напирали пассажиры, Настина светлая макушка уже маячила далеко впереди, и Лана, кивнув стюардессе, пошла дальше. Такое странное чувство... Незнакомая женщина, но все равно жалко. И неловко, что и времени нет расспросить... Но ведь к кому-то она ехала. Впрочем, родным сообщат. Лана вздохнула, мысленно пожелала даме-бухгалтеру выздороветь как можно скорее и поспешила вслед за дочкой.

– Так, первый план не сработал, переходим к варианту Б, – быстро скомандовал Кислый, пока напарники шли к выходу из аэропорта. – Следим за объектом, чтобы выяснить, в какой отель отправится.

Проследив за своим объектом, напарники сели в такси и на ломаном английском попросили ехать во-он за той машиной, потому что это люди из их группы и они все должны прибыть в один отель... Шофер кивнул, и машина плавно тронулась с места.

- Ты чего такой зеленый? – негромко спросил Кислый у Костяна. – Укачало, что ли?
- Это и есть объект? – Тот мотнул головой в направлении машины, которая двигалась впереди и увозила маму с дочкой.
- И что? Это работа, понял? Ничего личного, *ничего*.

У Ланы и Насти было не так уж много времени на выбор отеля, но, когда такси остановилось у дверей, Лана решила, что они с дочкой не промахнулись. Улочка, расположенная в пяти минутах ходьбы от Кельнского собора и центра города, оказалась на удивление тихой. Напротив отеля выглядывали из-за каменного забора серые стены какого-то храма. Пока Лана расплачивалась с таксистом и он выгружал из багажника чемоданы, Настя легконогой козочкой сбегала к калитке, просочилась во двор и через минуту вернулась, чтобы сообщить матери, что церковь посвящена святой Урсуле и вокруг нее большой сад, где совершенно не по-городскому, свободно и душевно, поют птицы. Повезло еще, что номер был, подумала Лана, глядя как чуть позади их машины тормозят еще два такси и из первого вываливается

высокий человек с дорожной сумкой. Мужчина, вежливо улыбнувшись, придержал им двери и устроился в лобби-баре покурить.

Приветливый портье сносно говорил по-русски, бронь, сделанную через Интернет, подтвердил, но номер – он очень извиняется – будет готов через час, не раньше. Вообще-то у них заселение с двух часов дня, а сейчас, сами понимаете, только десять с небольшим. Может быть, дамы хотят позавтракать? Лана вопросительно взглянула на дочь. Та беззастенчиво заглянула в зал, где уже стояли накрытые столы и пахло кофе и плюшками. С прищуром обозрев ряды блюд с фруктами, закусками, выпечкой, а также банки с джемом, медом и серебристые контейнеры для горячих блюд, Анастасия царственно кивнула.

– Я включу в счет еще один завтрак, – улыбнулся портье. – Позвольте, фрау, чемоданы ваши будут вот здесь. – Он втянул багаж под стойку.

Оказавшись лицом к лицу с щедротами шведского стола немецкого отеля категории три с плюсом, Настя и Лана вдруг почувствовали, что очень и очень проголодались. Они выпили немереное количество кофе и свежавыжатого апельсинового сока, перепробовали несколько сортов сыра, ветчинку и еще съели по круассану, а потом по куску арбуза.

– Я сейчас тресну, – пожаловалась Настя. – А ведь там есть омлет с травами. Вон, смотри, мужик, который за нами приехал, наворачивает.

– Думаю, омлет пробовать будем завтра. А сейчас предлагаю пройтись, а то у меня что-то джинсы сразу стали туговаты в районе талии.

Увидев их, портье опять начал было извиняться, но Лана махнула рукой:

– Мы в город. Чемоданы ведь можно у вас оставить?

– Их отнесут в номер, как только он будет готов.

– Вот и прекрасно!

Взявшись за руки, как подружки, сбежавшие с уроков, Лана и Настя отправились бродить по городу.

Большинство нормальных туристов и значительная часть горожан в столь ранний час либо нежились в теплых кроватках, либо пили утренний кофе, и потому город был восхитительно немногочислен. Лана и Настя шли по улочкам, наслаждаясь воздухом, видом и ощущением нового и незнакомого города. Вот меж домами серым айсбергом возникла громада собора. Скоро, очень скоро площадь и улочки вокруг заполнятся гомонящими туристами и теми, кто пытается на этих туристах заработать: художниками, уличными статуями, торговцами, ворами и попрошайками. Но сейчас собор был одинок, и две маленькие женские фигурки застыли у его подножия в восторге и почтении. Они обошли собор кругом не спеша, в уважительном молчании, любуясь его порталами, статуями, стрельчатыми окнами, всей неправдоподобной легкостью камня, устремляющегося ввысь. Вышли на малочисленную по раннему времени набережную и побрели вдоль реки, разглядывая дома, корабли, людей и прочие элементы жизни города, который теперь навсегда обрел для них плоть и образ.

Когда смотришь на карту, разглядываешь открытки с видами и фотографии или видишь фильм, где фигурирует город, взгляд фиксирует только изображение. Оно может нравиться или нет, но город все равно остается только набором картинок с названиями. Но все меняется, как только попадаешь в ту или иную географическую точку лично. И даже тот же снимок в Интернете или книжке обретает совершенно иной смысл, потому что за ним стоит воспоминание о конкретном дне, окрашенном в цвета, наполненным запахами и ощущениями. Улочка на открытке пуста и довольно безлика, но ты помнишь, что ногам было чудно идти по горбатой булыжной мостовой, а вдоль тротуара дремал туристический паровозик с вагончиками, похожий на прикорнувшего дракона, пахло свежеспелыми цветами и кофе. И серая громада собора обретает вещественность и величие. Рейн несет свои воды спокойно и с достоинством. А на одной из опор моста, на железной балке, кто-то примостил смешного металлического человечка, застывшего в нелепой позе: на одной ножке и руки в стороны.

На набережной на столбе сидит собранный из железяк птеродактиль и задумчиво косит глазом на шпили церкви.

Устав бродить по городу, мама с дочкой вернулись к собору. Теперь здесь царят суета и гам. На площади уже застыли на невысоких постаментах две живые «статуи»: американская статуя Свободы и завернутый в золотистый саван Тутанхамон. Двое художников рисуют на асфальте. Чуть в стороне молодежь катается на скейтах. Кучки туристов облепили гидов, которые сжимают в поднятых руках кто зонтик, кто табличку, кто розового зайца. В зев портала течет людской поток. Внутри собора торжественно и спокойно, несмотря на большое количество людей. Настя пошла бродить по тому, что представлялось ей каменной рукотворной пещерой, полной удивительных вещей и сокровищ. Лана опустилась на деревянную скамью и некоторое время бездумно сидела, глядя на витражи, устремленные вверх серые своды, немногочисленные украшения. Она никогда не была особенно религиозной, хотя время от времени ходила в церковь (любимая – та, что в Сокольниках), ставила свечку Богородице, в пост старалась ограничивать себя, и не только в еде. Но зачастую молодая женщина чувствовала себя немного виноватой, потому что в церкви ей быстро становилось как-то неуютно. Болит голова от тяжелого запаха ладана, старушки всегда смотрят косо, еще норвежцы порой свечки собирать, пока стоишь перед иконой. ... Покойней всего Лана чувствует себя именно в готических храмах. Их серый камень кажется идеальной рамой для цветных витражей, стены не давят, а словно парят вокруг, поддерживая плетеные своды. Порталы, розы, химеры и горгульи, святые, мученики и странные фигурки, рожденные фантазией художников и архитекторов, уже много лет они живут своей жизнью, служа проводниками людским мыслям и чувствам. Настя прибрела к матери, сосредоточенная и бледная в сумраке собора, как маленькое привидение, села рядом и шепотом сказала:

– Он замечательный. Я порисую?

Лана кивнула. Они вышли из здания, Настя отыскала на площади некую нужную ей точку и попыталась усесться на каменный парапет. Лана быстро подпихнула ей под попу свернутый палантин. Пока Настя рисовала, она вернулась в собор, еще раз полюбовалась на золотой ларец, где, говорят, содержатся мощи трех волхвов, внимательно рассмотрела витражи, поставила свечку перед алтарем Богородицы. Когда она опять вышла на солнечный свет, на площади стало еще более многолюдно. К двум «статуям» прибавились еще три: Чарли Чаплин; невнятная личность, драпированная в серую хламиду; и худощавый мим с белым гримом на лице, затянутый в черное трико и в берете с красным помпоном. Он время от времени оживал, исполнял короткий этюд, а потом снова переливался в неподвижность. Как показалось Лане, ему монеток кидали больше всего. Убедившись, что Настя занята, она сходилась в ближайшее кафе, посидела за столиком, выпила кофе и позвонила Марку, потом отнесла дочке чашку горячего шоколада. Чмокнула в макушку и спросила, можно ли ей сходить в магазин. Настя не возражала, и Лана около часа провела на торговой улице и даже купила себе кое-что. Потом получила эсэмэску с сердитым смайликом и поспешила обратно на площадь. Настя сидела на парапете, как нахохлившийся воробей. Выяснилось, что она устала и голодна. Они зашли в ресторан и съели восхитительную рыбу, а потом еле живые и совершенно сонные поплелись в отель.

– Спать хочу, – говорила Настя. – Но ведь еще только семь часов!

– Это здесь семь, а в Москве очень даже девять! И, учитывая, во сколько мы сегодня встали, можем завалиться спать сразу, как придем.

За стойкой дежурил тот же портень, он одарил дам улыбкой и электронной карточкой-ключом. Номер оказался просторным, с хорошим телевизором и красивой мебелью. Их чемоданы стояли посреди комнаты.

– Кто первый в душ? – спросила Лана, открывая свой чемодан.

– Иди уж, – ответствовала Анастасия, заваливаясь на кровать и включая телевизор.

Лана вошла в ванную и взглянула на себя в зеркало. В голове ее бродили рассеянные мысли о том, как славно они погуляли и как там без нее муж и дети... Но все мысли разом исчезли, когда в зеркале она вдруг зацепила взглядом отражение душевой кабины. Там, за матовым непрозрачным стеклом, громоздилось что-то темное. Несколько секунд Лана неподвижно стояла на месте, глядя в зеркало на темную массу. Потом развернулась и устоялась уже непосредственно на кабину. Там явно что-то есть! Что-то большое, размером и очертаниями с сидящего человека! Надо закрыть глаза, подумала Лана, и сосчитать до... не важно до чего, потому что закрыть глаза невыносимо... Да что там, ей страшно даже просто моргнуть! Но как же проверить – померещилось ей или нет? Дверца кабины прикрыта неплотно, и, двигаясь по ванной комнате, но не приближаясь к стеклу, Лана нашла точку, с которой рассмотрела в щелку джинсовую ткань и... это была рука. Кисть большой и неухоженной мужской руки. По ее неподвижности Лана поняла, что тот, кто сидит в душевой, вряд ли станет еще принимать душ. Спиной вперед она выбралась из ванной, сунула ноги в кроссовки и велела Насте:

– Пойдем!

– Куда? – Само собой, дочь даже не сдвинулась с места. Она вполне комфортно устроилась на кровати, добыв из мини-бара минералку и орешки.

Лана выхватила у Насти бутылку, сделала пару глотков холодной воды и задалась вопросом, не поехала ли у нее крыша. Ведь это нереально: прилететь в Европу, поселиться в приличном отеле и найти труп в душевой кабине!

– Эй, мам... ты чего? Тебе нехорошо? – забеспокоилась Настя.

Лана продолжала столбом стоять посреди комнаты. «Померещилось, – говорила она себе. – Я устала. Может, Настю позвать взглянуть?» Нет, этого материнский инстинкт позвать не мог, и она метнулась обратно в ванную. От двери устоялась на душевую кабину. Он по-прежнему был там. За спиной завопилась Настя, сползая с кровати и продолжая звать к матери. Лана плотно закрыла дверь ванной комнаты и велела:

– Надень обувь и возьми сумки, с которыми мы пришли. Идем вниз.

– Да что там такое-то? – не унималась дочка. – Дохлый таракан?

Но Лана только замотала головой, выпихнула девочку из номера, захлопнула дверь и побежала вниз по лестнице. Анастасия, раздосадованно ворча, плелась следом. Портье встретил их вопросительным взглядом. Лана остановилась подле стойки, устоялась на молодого человека и вдруг поняла, что совершенно невозможно произнести вслух: «Что за безобразие – у вас там труп в душе!» Или «Простите, но номер с трупом в душевой кабине нам не подходит». Он решит, что она сошла с ума. И вместе с волной дурноты накатило новое сомнение – может, все же померещилось?

– Что-то не так? – проявил догадливость портье, глядя на растрепанную женщину и хмурую девушку, тревожно поглядывающую на мать.

– Будьте добры, поднимитесь в номер и загляните в душ, – сказала Лана, выкладывая на стол карточку. – А мы тут подождем. – И она вошла в лобби-бар, где в углу скучал над коктейлем пожилой господин.

Надо отдать должное исполнительности персонала немецкого отеля. Портье не стал больше ничего спрашивать; он воззвал к своему коллеге, который функционировал где-то в глубине помещения, тот незамедлительно занял место за стойкой, а портье послушно отправился в номер. Лана попросила кофе и теперь отпивала маленькими глотками горький эспрессо и делала вид, что не замечает испуганно-растерянных взглядов дочери, а на все ее расспросы только качала головой и говорила: «Давай подождем» и «Через пару минут все узнаем». Когда портье вернулся и, не взглянув на постояльцев, нырнул в дверь за конторку, она вытянулась в ту сторону, прислушиваясь. Вот до нее долетело слово «полис», и Лана

испытала огромное облегчение: она не сошла с ума, а труп в ванной – проблема отеля, в конце концов.

Впрочем, ближайшие полтора часа это все же оказалось проблемой и для мамы с дочкой, потому что приехала полиция и события стали развиваться по известному всем сценарию. Их усадили в помещении ресторана, где утром они так беззаботно наслаждались завтраком, а сейчас все было пусто, казенно и тревожно. Документы, вопросы, вопросы, вопросы... Настя, услышав про труп, вытаращила глаза и воскликнула:

– Да ты что?! Что ж ты меня не позвала посмотреть?

– Уверена, что это было бы здорово? – холодно спросила Лана.

Взглянув на мать, девочка сразу сникла.

– Нет, я так... вообще-то не хочу я его видеть.

Один из приехавших детективов говорил по-английски, и, после того как Лана ответила на все вопросы, она спросила, нельзя ли ей отвести дочку в другой отель, а потом она хотела бы забрать вещи: их чемоданы все еще в том злополучном номере.

– Мадам не желает остаться в этом отеле? – переспросил полицейский.

– Нет! Но мы очень устали, и далеко я не пойду: на этой улице еще две или три гостиницы, где-то должен найтись свободный номер.

Полицейский отправился совещаться со старшим. Старший детектив был высок и тощ, с соломенными волосами и бледными веснушками. Представился герром Штольманом. Он уже успел кратко переговорить с Ланой, осмотрел номер, куда-то позвонил и теперь уселся напротив дам и внимательно оглядел Лану и Настю.

– Вы знаете человека, которого нашли в вашем номере? – спросил герр Штольман.

– Этот номер не успел стать нашим, потому что мы поднялись туда только в семь вечера и убежали через пять минут, – решительно заявила Лана. – Я не думаю, что знаю этого человека... у меня нет знакомых в Германии. Ну, то есть у меня здесь подруга, мы приехали к ней на свадьбу, я вашим коллегам уже говорила. И... и я его не видела. Только через стекло.

Детектив вскинул белесые брови, словно не в силах поверить в то, что женщина могла не любопытствовать, что за труп оказался у нее в ванной. Но от комментариев воздержался и сказал:

– Я попрошу вас и вашу дочь взглянуть на тело. Может быть, вы где-то видели этого господина.

– Нет! – Лана выпрямилась и сердито уставилась на мужчину. – Я... я взгляну, если вы настаиваете. Но моя дочь в этом участвовать не будет. Она несовершеннолетняя, и, если вы попытаетесь ее заставить, я позвоню консулу... и мужу в Москву.

В это время полицейские появились из лифта, таща чемоданы.

– Это ваши вещи?

– Да.

– Взгляните, все ли цело.

Лана открыла чемоданы. Там все было перевернуто.

– Вещи были сложены, – сказала она, оглянувшись на детектива.

Тот пожал плечами:

– Наши люди обязаны были все осмотреть.

– Понятно. Самое ценное – вот, подарок моей подруге на свадьбу. – Лана извлекла из чемодана красивую коробку, открыла и продемонстрировала полицейскому оправленный в серебро набор для будуара: рамка для фотографии, щетки для волос и шкатулочка.

– Красивая вещь, – заметил тот. – Дорогая?

– Да. Так ведь это на свадьбу.

– Остальные вещи на месте?

Лана кивнула.

– Тогда идемте. Я хочу, чтобы вы взглянули на тело.

Прежде чем последовать за полицейским, Лана обернулась к Насте:

– Пока я не вернусь, сиди здесь и никуда не ходи. Даже если позовут или прикажут. Вообще со стула не вставай, поняла?

Та закивала, крепче прижала к себе мамину сумку с документами и съежилась обиженным котенком.

Лана поднималась в лифте и думала: «Упаду я в обморок, когда увижу труп, или нет?» Потом она спохватилась и сказала себе: «Лана, опомнись! Ты ведь еще и не то видела». До того как стала мужней женой, ранимой и незащищенной женщиной, Лана была матерью-одиночкой и работала юристом в охранной конторе, которая занималась не только охраной, но и разборками с «крышами», выбиванием долгов и прочими интересными делами. Таковы были аспекты охранного бизнеса в России в девяностых – начале двухтысячных. Нет, она всегда была «белым» юристом, но все же закалку получила не дай бог. Вспоминания помогли. Лана собралась, взяла себя в руки и твердой походкой вошла в номер. Труп пребывал на прежнем месте, в номере и в ванной комнате сутились эксперты. Лана вошла в ванную и, присев на корточки, заглянула трупу в лицо. Она не сразу поняла, где видела этого человека, однако уже не чувствовала себя растерянной и готовой разреветься, как это было десять минут назад. То, что мозг наконец включился, порадовало. Точно, это тот самый тип! Пользуясь случаем, Лана внимательно рассмотрела тело. В районе груди темнело пулевое отверстие. Одежда не опалена, значит, стреляли не в упор, а с некоторого расстояния из пистолета. Оружие, скорее всего, было с глушителем, иначе в этом тихом районе кто-нибудь да услышал бы выстрел и всполошился бы. На юридическом они изучали судебную медицину, да и потом кое-что пригодилось, были в ее практике разные случаи... Выпрямившись, Лана взглянула в глаза инспектору, который с интересом наблюдал за ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.